

ризуя Узбека, принявшего «богомерзкую веру сродинскую», автор Повести сравнивал его с теми «яко же бо о таковых рекоша царския дѣти въ плѣну в Вавилонѣ суци, глаголаху: „Предасть ны в руцѣ царю немилостиву, законопреступну, лукавѣишу паче всея земли“. Егда бо господь Титу Иерусалимъ предасть, не Тита любя, но Иерусалимъ казня. И пакы: егда Фоцѣ Царьград преда, не Фоцю любя, но Царьград казня за людския прегрѣшения. Еже и си нас дѣля бысть за наша съгрѣшения»¹⁵.

Так писать об Узбеке было в те времена большой смелостью. Золотоордынский хан считался номинальным главой русских земель, и это был хан могущественный, при котором Орда вышла из полосы внутренних неурядиц, окрепла экономически и политически. С Узбеком приходилось считаться даже книжникам. И тем не менее в Твери не скрывали своего враждебного отношения к хану и Золотой Орде. Причину «согрешений» Руси, подпавшей под иноземное иго, автор Повести усматривал в междоусобицах, в нарушении определенного феодального правопорядка, когда «начя въсхитити и имѣния сынъ подо отцемъ, брат меньшии под старѣшимъ братомъ»¹⁶.

Ярким примером такого нарушения были действия московского князя Юрия Даниловича, упорно домогавшегося великокняжеского стола во Владимире. Великим князем, против которого боролся Юрий, был Михаил Ярославич Тверской. Как подчеркивается в Повести, только он, единственный из русских князей, имел права на великокняжеский титул: его благословил на владимирский стол его предшественник, великий князь Андрей Александрович, ему же и «по старѣшиньству дошелъ баше степеня великого княжения»¹⁷, на владимирском столе сидели дед и отец Михаила. Все симпатии автора целиком принадлежали тверскому князю. Действия Юрия в Повести резко осуждаются. Не будь борьбы младшего князя против старшего (а таким в Повести признавался только Михаил Тверской), Русь избавилась бы от своих «согрешений», русский народ стал бы народом достойным, а у достойного народа не мог бы быть недостойный повелитель — татарский хан. Сквозь намеки и теологическую фразеологию, в которую облакал свои мысли тверской писатель, ясно проступала его основная идея: борьба против татарского ига возможна только при ликвидации усобиц в Северо-Восточной Руси, при усилении власти тверского князя, как великого князя Владимирского. Так своеобразно преломились взгляды Анастасия Синаита в памятник, написанном в один из поворотных моментов русской истории.

Исторические параллели между Узбеком, с одной стороны, и Титом и Фокой, с другой, проведенные в Повести, показывают, что здесь был использован, скорее всего, Еллинский летописец второго вида, где имелись соответствующие факты из римской и византийской истории, в соответствующем духе и осмысленные. В свою очередь, составители Еллинского летописца заимствовали вопросоответ Анастасия Синаита из более древнего памятника, бытовавшего на Руси. Сличение данного вопросоответа Анастасия Синаита по различным рукописям, показывает, что хотя тексты очень близки, они содержат ряд различных лексических вариантов, свидетельствующих о существовании нескольких переводов вопросоответа.

Приводим все такие варианты (см. таблицу).

¹⁵ ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 34 об.

¹⁶ Там же, л. 32 об.

¹⁷ Там же, л. 33 об.